

Милана Седина
Юнона Стангард

Мой
ХОККЕИСТ
СУХОЙ ЛЁД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

содержит нецензурную брань

18+

Милана Седина Юнона Стангард Мой хоккеист. Сухой лёд

<https://litres.ru/74673763>

SelfPub; 2026

Аннотация

После проигранного матча меня загнали в тупик разъярённые фанаты. Спас Даниил Кленов — неприступный вратарь «Атланта». А через несколько минут потребовал, чтобы я уехала. Навсегда.

Но я, нейропсихолог Вероника Левина, приехала не за его разрешением. Команда на грани вылета из плей-офф, а её лучший голкипер скрывает сбой, способный перечеркнуть карьеру. Мне нужны пять минут его внимания. Он не готов доверить мне даже взгляд.

Мы сталкиваемся на каждой тренировке. И с каждым днём мне труднее отделить работу от желания оказаться в его объятиях. Только в клубе уже ведут другую игру: кто-то готов сломать Даниила, чтобы занять его место. Теперь на кону не только Кубок — но и человек, которого я не намерена отдавать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Милана Седина, Юнона Стангард Мой хоккеист. Сухой лёд

Мой хоккеист. Сухой лёд

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Март пах не весной, а жженой резиной, серным чадом фанатских шашек и ледяной сыростью с залива.

Я перехватила тяжелую ручку анодированного кофра. Сорок килограммов аппаратуры тянули плечо вниз, врезаясь в ладонь сквозь кожаную перчатку. На матовой крышке поблескивала гравировка: *«Лаборатория "НейроТрек" — Системы высокоскоростного трекинга взора и вызванных потенциалов»*. В этом кейсе лежали шесть лет моей клинической практики, диссертация, алгоритмы стимуляции зрительного анализатора и единственный в стране мобильный стробоскопический комплекс. А еще — остатки моей профессиональной репутации, если главный тренер «Атланта» Савелий Громов ошибся, вызвав меня прямо посреди плей-офф.

«Атлант» только что влетел 1:4 в четвертом матче полуфинала Кубка Гагарина. Счет в серии стал 2–2, и двадцать тысяч разъяренных болельщиков на трибунах жаждали расправы.

Служебный пандус под бетонным брюхом арены вибрировал от басовитого рева. Наверху ультрас уже крушили турникеты. Металлический лязг перекрывался воем сирен: ОМОН застрял в девятибалльных пробках. Мой план был прост: срезать по боковой лестнице под эстакадой к аварийному

шлюзу сектора «В», избежав встречи с беснующейся толпой. Схему служебных коридоров Громов прислал мне еще днем.

Я свернула к металлическому трапу, прижимая локтем сумку с рабочим ноутбуком.

Сверху раздался надсадный скрежет сминаемого железа.

С верхней площадки с грохотом полетел тяжелый пластиковый мусорный бак. Он снес тонкие перила, кувыркнулся в воздухе и с треском раскололся в трех шагах от меня, осыпав пальто веером битого пластика, окурков и ледяной жижи. Лестничный пролет оказался наглухо перебит искореженным металлом. Из сизого дыма вынырнули шестеро: черные бомберы, красно-белые шарфы до глаз, в руках — арматурные прутья.

— Стоять! — сиплый крик ударил в бетонные своды. — Руководство с черного хода валит! Куда бабки потащила?!

Я не закричала. Паника сжигает периферическое зрение и лишает опоры. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я подхватила сорокакилограммовый кофр обеими руками и бросилась назад, в бетонный карман под опоры эстакады, перекрытый строительными лесами. Но еще четверо фанатов выскочили навстречу из-за колонны, смыкая кольцо. Я оказалась зажата в глухом тупике. Сигнал мобильной связи под арматурными перекрытиями упал в ноль.

Сорвав с пояса служебную рацию, я щелкнула тумблером:

— Диспетчер, сектор «В» под эстакадой! Нападение...

В ответ ударил белый шум и панический мат в эфире: «Пожар у центрального входа, баннер запалили, все расчеты туда!...»

Прямо мне под ноги с шипением прилетела фанатская шашка.

Магниевый сноп ослепительно полыхнул, выжигая сетчатку. Едкий дым мгновенно заполнил карман, сдирая бронхи кашлем. Задыхаясь, я натянула шарф на лицо, опустилась на колено и заслонила кофр собственным телом.

— Хватай сумку, там директорская касса! — взревел верзила в камуфляже с намотанной на кулак тяжелой велосипедной цепью.

Его армейский берц занесся для удара по замкам аппаратуры, а пальцы потянулись к моему воротнику. Я сжалась, навалившись на кофр всем весом. Если разобьют блок лазерной калибровки, второго шанса у меня не будет.

Удара не последовало.

Воздух рассекло свирепое смещение массы. Что-то исполинское с ревом врезалось в нападающего сбоку. Раздался сухой хруст: верзила с цепью отлетел на три метра назад, сшиб леса и рухнул в лужу ледяной гари, даже не успев вскрикнуть.

Сквозь клочья дыма передо мной выросла двухметровая стена из титана, углепластика и ярости.

Даниил Кленов.

Основной вратарь «Атланта». Расстегнутый черный комбинезон поверх массивного панциря, широкие тренировочные штаны, тяжелые берцы. На правой руке был намертво застегнут титановый вратарский блин с рельефной выштамповкой номера девяносто один.

Он даже не взглянул на поверженного фаната. Его левая рука в эластичном тейпе молниеносно ухватила меня сзади за шиворот шерстяного пальто. Он вздернул меня вверх одним слитным, мощным рывком и властным движением впечатал лицом и грудью в шершавый бетон шлюза.

— Стоять, — выдохнул он над самым ухом. Голос был хриплым, низким, с отчетливым металлическим лязгом сорванных связок. — Не дергайся.

С эстакады в нас полетел град.

Пивные бутылки, куски асфальта, обломки кирпичей. Я инстинктивно втянула голову в плечи, но ни один осколок не коснулся меня. Кленов сделал шаг назад, уперся предплечьями в бетон по обе стороны от моих плеч и полностью накрыл меня собой.

Грохот ударов по его спине был глухим и дробным. Стекло со звоном разлеталось о ребра жесткости его углепластикового панциря. Я чувствовала, как вздрагивают его лопатки при прямых попаданиях, но он стоял неподвижно. От него исходил осязаемый жар: запах полынной горечи дорогого одеколona, едкий пот трехчасовой игры и запах жженого льда. Его грудная клетка упиралась мне в лопатки, и сквозь

ткань пальто я отчетливо слышала ровный, бешеный стук его сердца. Сто сорок ударов в минуту. Чистая физиологическая агрессия выживания.

— Клен, ты кого прикрываешь, сука?! — взвыла толпа, смыкая цепи. — Сдай сумку, или здесь ляжешь!

Десять человек ринулись на нас с прутьями. Нас раздавили бы массой, но тяжелая служебная дверь с грохотом распахнулась.

— А ну пошли на хер от ворот, уроды!

Из коридора вылетел капитан Артем Медведев в термобелье с композитной клюшкой наперевес, а за ним — трое защитников первой пятерки в тяжелых крагах. Хоккеисты клином врезались в толпу, орудуя клюшками как таранами. За сорок секунд они профессионально смели фанатов жесткими силовыми приемами, обратив ультрас в паническое бегство.

Кленов отстранился. Холодный мартовский воздух мгновенно ожег шею.

— Внутрь. Живо, — бросил он, подхватывая сорокакилограммовый кофр свободной левой рукой, словно пустую коробку.

Доводчик успел захлопнуть дверь за выскочившими защитниками. Даниил толкнул меня к створке шлюза. Я приложила карту к считывателю. Замок надсадно пискнул: красный диод замигал частыми вспышками. Ригель заклинило осколком разбитой бутылки, автоматика заблокировала

дверь.

— Ригель заклинило стеклом...

— Отойди к черту.

Кленов поставил кофр, отодвинул меня локтем, сдернул блин и вцепился ладонями в стальные выступы косяка. С чудовищной силой он впечатал тяжелую подошву берца прямо в зону замка. Металл взвизгнул, язычки запора с мясом вырвало из бетона, и дверь с грохотом распахнулась внутрь. Он подхватил блин с пола и забрал кофр.

Мы ввалились в стерильный, залитый ровным люминесцентным светом холл первого этажа. Запахло озоном кондиционеров и спиртовым антисептиком. Кленов с глухим стуком опустил мой кейс на гладкий керамогранит пола.

Я перевела дыхание. На черном вороте его комбинезона расплывалось свежее бурое пятно: осколок бутылки глубоко распорол кожу на шее.

— Даниил, постойте, — я шагнула к нему, доставая антисептическую салфетку. — У вас кровь на вороте. Стекло могло занести грязь, нужно немедленно обработать...

Я протянула руку, собираясь коснуться края его воротника.

Его мокрая, обжигающе горячая ладонь перехватила мое запястье на лету.

Хватка была стальной. Пальцы сомкнулись чуть выше лучезапястного сустава, выверив усилие с пугающей точно-

стью: кость не трещала, но кровь мгновенно перестала поступать к пальцам. Рука онемела за секунду.

Он навис надо мной — огромный, с темными прядями мокрых волос на лбу. Пепельно-серые, глубоко запавшие глаза смотрели на меня с неприкрытой, глухой яростью.

— Не трогай меня, — процедил он сквозь зубы. Каждое слово падало тяжело, как замерзшая шайба. — Никаких докторов. Никаких мозгоправов в шелковых пиджаках. Завтра в восемь утра пойдешь к Бате и скажешь, что расторгаешь контракт. Сама. Без соплей. Поняла?

Боль в зажатой кисти пульсировала, но я не отвела глаз, отчетливо видя легкий горизонтальный нистагм его зрачков.

— Мой контракт подписан председателем попечительского совета клуба, Даниил Борисович, — ровным тоном ответила я, глядя ему прямо в переносицу. — И я никуда не уеду. Потому что вы пропускаете в ближний угол не из-за защиты Медведева. А потому что ваш зрительный анализатор дает сбой при фиксации траектории. Отпустите мою руку.

В его зрачках мелькнул дикий страх разоблачения. Затем губы скривились в злой, кривой усмешке. Он разжал пальцы так резко, что моя онемевшая рука упала вдоль тела.

— Собирай манатки, Левина, — бросил он через плечо, шагая к лифту. — На льду тебе ловить нечего.

Тяжелые шаги его берцев стихли в пустом коридоре. Я осталась посреди холла, растирая побелевшие следы от его хватки на запястье. Внутри разгоралась холодная ярость ис-

следователя. Война характеров была объявлена.

Глава 2

В восемь тридцать утра в главной раздевалке «Атланта» висела тишина морга.

Воздух был густым от камфорной мази, едкого пота, сырого трикотажа и подавленного командного стыда. Двадцать пять игроков сидели по своим дубовым боксам. Я вошла следом за главным тренером Савелием Борисовичем Громо-вым. «Батя» казался постаревшим на десять лет: тяжелая челюсть выдвинута вперед, седая трехдневная щетина, мрачный взгляд из-под бровей. В моих руках был защищенный планшет и портативные датчики.

Громов остановился на резиновом настиле и ударил в ладоши:

— Слушать сюда, орлы. Вчера мы опозорились перед всем городом. В пятницу — пятый матч. Руководство вводит в штаб Веронику Олеговну Левину, руководителя лаборатории нейродинамики. Будет выправлять концентрацию вратарской бригады и спецбригад меньшинства. Слушать ее распоряжения как мои. Вопросы?

В углу послышался издевательский смешок. Вторым вратарь Глеб Воронов — двадцатитрехлетний сын вице-президента клуба с толстой золотой цепью на шее — демонстративно сплюнул в пластиковый стаканчик:

— Батя, ты серьезно? Защита вчера привезла три штуки в пустые, а ты нам притащил массажистку для мозгов? Она нам перед сном сказки читать будет?

Несколько молодых игроков из четвертого звена неуверенно хохотнули.

Я не стала ждать реакции тренера. Твердым шагом прошла по резиновому настилу и остановилась ровно в метре от раскрытого бокса Воронова.

— Что-то не так, доктор? — Воронов поднялся во весь свой стодевяностосантиметровый рост, вызываяще ухмыльнулся и одним движением сдернул через голову тренировочную майку, играя мускулистым торсом: — Ну давай, просканируй. Чего у меня не так в черепной коробке?

Мой взгляд скользнул по его телу с абсолютной клинической сухостью:

— Асимметрия правого плечевого пояса — перекося на два с половиной сантиметра вниз из-за спазма широчайшей мышцы, который ты глушишь блокадами. Мелкий тремор указательного пальца левой руки при статическом хвате. И зрачковый рефлекс при прямом освещении запаздывает на полторы десятых доли секунды.

Наглая ухмылка сползла с его лица.

— Ты боишься прямых щелчков с ползоны, Глеб, — про-

должила я в наступившей мертвой тишине. — Вчера на четырнадцатой минуте второго периода ты пропустил между щитков ровно потому, что за сотую долю секунды до броска зажмурился. Тебе нужны миорелаксанты и коррекция панического рефлекса, а не золотые цепи. И если ты еще раз откроешь рот в адрес научной группы, я подам официальный рапорт о твоей профнепригодности главному врачу лиги.

Раздевалка онемела. Воронов побагровел до корней волос:

— Ты кого тут трусом назвала, сука очкастая?!

Перед его носом со звонким щелчком опустился тяжелый композитный черенок клюшки. Артем Медведев встал между нами, загородив меня широкой спиной:

— Пасть захлопни, малек. Доктор тебе правду в глаза выкатила, а ты раскудахтался. Сядь на банку и надень майку, пока я этот черенок тебе поперек хребта не пристроил.

Воронов сжался под взглядом капитана и рухнул на лавку, яростно натягивая трикотаж. Авторитет мажора был втоптан в резиновый настил.

Я повернулась к магнитной доске и закрепила световую панель:

— Мне нужно замерить сенсомоторную реакцию. Тот, кто покажет время отклика меньше ста сорока миллисекунд на

серии импульсов, получит индивидуальный протокол периферического обзора для игры на контратаках.

Медведев хмыкнул, бросил полотенце и шагнул вперед:

— Давай, док. Жги. Проверим твои технологии на капитане.

Он сел на табурет. Я закрепила сенсор трекинга на его виске, а на мочку уха нацепила клипсу ЭЭГ. Панель вспыхнула. Руки капитана двигались молниеносно, четко гася зеленые мишени. На двадцать пятой секунде капля пота попала на разъем заушной клипсы — сигнал на планшете забился помехами. Опустившись на колено, я прижала контакт кончиками пальцев прямо к сосцевидному отростку за ухом Медведева, удерживая датчик вручную.

Финальный зуммер. На экране планшета загорелась зеленая шкала: *128 мс. Ошибок: 0.*

— Сто двадцать восемь миллисекунд. Гроссмейстерский результат для защитника сборной.

Команда взорвалась одобрительным гулом, обступив демонстрационный стенд:

— Кэп — машина! Док, а меня глянь!

Я поднялась и посмотрела в дальний угол. У шкафчика с выведенным краской номером «91» в полной изоляции сидел Кленов. На его коленях лежали увесистые пакеты со

льдом, а пальцы механически, туго натягивали эластичный бинт на голеностоп.

Я подошла к его боксу:

— Даниил. Мне нужно пять минут ваших глаз.

Он не поднял головы, цедя сквозь зубы:

— Мои глаза видят шайбу. Оставь фокусы полевым.

Я опустила на корточки рядом с его скамьей, наклонившись к самому уху:

— Вы трете переносицу каждые сорок секунд, Даниил. Фаланги побелели от гипертонуса. Вы не спали ни минуты этой ночью. И позапрошлой тоже. Бессонница сжигает ваши саккады. В пятницу Череповец забьет вам первую же шайбу с левого фланга под ловушку. Вы ее просто не увидите вовремя.

Кленов замер. Бинт застыл в его сведенных пальцах. Медленно он повернул ко мне лицо, и в его воспаленных глазах вспыхнул дикий ужас загнанного зверя. Раскрытие его тайны означало немедленный разрыв контракта и волчий билет из спорта.

— Ты понятия не имеешь, во что лезешь, Левина, — хрипло выдохнул он, с грохотом захлопнул дверцу шкафчика и скрылся в коридоре.

Рядом со мной бесшумно вырос Громов. Он протянул мне

тяжелую латунную связку ключей:

— Не отступишь, Вероника?

— Я приехала сюда выигрывать серию, Савелий Борисович.

— В полночь каток пустой. Данька выходит туда один, когда не может уснуть. Катит круги в темноте. Держи ключ от малого бокса. Выкатывай свою пушку. Докажешь ему на льду — пойдет за тобой в пекло. Не докажешь — куплю билет до Москвы.

Я сжала холодную латунь в руке:

— Докажу.

* * *

В два часа дня в медицинском блоке пахло антисептиком и стерильной прохладой. Монотонно гудели вытяжные шкафы и центрифуги, разделявшие кровь игроков на плазму.

Врач команды Полина сидела за терминалом анализатора. При виде меня она сухо захлопнула журнал:

— Медицинские карты закрыты по распоряжению вице-президента Воронова. Извините, Вероника Олеговна.
Я положила перед ней лист с гербовой голограммой:

— Дополнительное соглашение. Право единоличного доступа к биометрии для руководителя службы нейрофизиологии. Подписано генеральным директором.

Полина побледнела, взгляделась в синюю печать и тихо выдохнула:

— Ладно. Давайте без свидетелей.

Она ввела пароль администратора: «Кленов Д. Б. — Биохимия». На экране всплыло пустое окно: «Файлы не найдены. Лог: удалено вчера в 23:15».

Через сорок минут после матча. Кто-то профессионально зачистил концы.

— Спокойно, — я подошла к оптическому анализатору крови «Бекман Культиер». Он работал от автономного блока бесперебойного питания, сохраняя энергонезависимый кэш калибровок. Подключив планшет через сервисный кабель последовательного порта, я запустила низкоуровневое чтение сырого дампа. Через пару минут хроматографические графики развернулись на экране.

Полина ахнула, прижав ладонь к губам.

Вместо нормальной кривой спортивного стресса на мониторе зиял провал эндогенного мелатонина практически до нуля, а печеночные ферменты давали токсические пики после матчей, когда ему выдавали клубный изотоник.

— Смотри на этот хроматографический пик, — показала я на экран. — Молекулярная масса триста двадцать четыре. Это метаболиты бензодиазепинов. Синтетический седатив длительного действия. Ему систематически глушат фазу быстрого сна, целенаправленно убивая скорость саккад.

— Господи... — Полина в панике потянулась к кабелю: — Выдерни шнур! Слышишь?! Если Воронов узнает... Его сын должен стать первым номером! На кону контракт с НХЛ на шесть миллионов! Меня уничтожат, отберут диплом и лицензию!

Я перехватила ее руку и положила на стол удостоверение независимого эксперта Национального антидопингового агентства:

— Если Даниил упадет на льду или послезавтра провалит тест РУСАДА, уголовное дело по статье о склонении к допингу и причинении вреда заведут на тебя как на клубного врача. Твой единственный шанс спастись — держаться меня. Я прикрою тебя федеральным статусом. Где напитки на завтра?

Полина замерла, тяжело сглотнула и молча открыла холодильник. Достала опечатанный контейнер с клубным изотоником. На одной из бутылок маркером стояло: «№91. Кленов. Персонально».

Взяв тончайшую иглу для спинномозговой пункции, Полина аккуратно завела ее под край пластиковой пробки, не

нарушая бумажной пломбы, набрала два миллилитра и капнула в пробирку с экспресс-реагентом. Жидкость мгновенно зашипела и окрасилась в густой, чернильно-синий цвет.

Факт диверсии лежал перед нами.

— Что делать? — прошептала Полина дрожащими губами.

— Молчать. Если поднять шум сейчас, Воронов обвинит нас в провокации. Эту бутылку опечатаем и уберем в сейф вместе с образцами и копией анализов. Даниил получит чистый изотоник в новой таре, только из наших рук. А я поставлю скрытый датчик вскрытия на холодильник и отправлю материалы независимому эксперту. Нам нужна запись самой подмены, а не только подозрительный анализ.

Полина тяжело кивнула, пряча шприц, затем горько усмехнулась:

— Ты смелая, Ника. Но ты не знаешь Кленова. Он параноик — чувствует, что его топят, хоть и не понимает как. На базе он не притрагивается к еде. Живет один на даче у лесного озера и готовит сам. Единственное, что попадало в его организм — этот изотоник во время игр от обезвоживания. Если хочешь, чтобы он выжил до финала... тебе придется кормить его лично. Из своих рук.

Я спрятала флешку с дампом в карман:

— Разберусь. Готовь чистый изотоник.

Глава 3

Полночь.

Главная арена «Атланта» спала во тьме. Двадцать тысяч пустых кресел тонули в черной вышине под гигантскими металлическими фермами. Воздух был кристально чистым, неподвижным и морозным — минус два градуса. Горел лишь один рабочий прожектор над дальними воротами, выхватывая зеркало свежезалитого льда.

На пяточке металась темная фигура. Даниил в полной амуниции с яростным скрежетом резал лед лезвиями коньков, сбивая дыхание, бросаясь из угла в угол в глухом приступе бессилия.

Я выкатила из борта сорокакилограммовую пневматическую пушку со стробоскопическим блоком. Подошвы кроссовок скользнули по влажной глади — рама опасно накренилась, рискуя рухнуть и разбить оптическую систему.

Ледяной веер брызнул в лицо. Кленов затормозил боком, подцепил трубу крюком клюшки и железной хваткой перчатки поставил пушку на упоры:

— С ума сошла? Шею свернешь на мокром льду. Зачем притащила этот металлолом?

— Это твой единственный шанс увидеть шайбу в пятницу.

Я включила тумблер. Конденсаторы тонко запели, набирая заряд. Два рубиновых луча лазерных целеуказателей легли точно на штанги ворот.

Кленов криво усмехнулся:

— Девять лет в лиге. Ни одна машина не забудет мне с си-ней линии.

— Пари, — я подняла пульт спуска. — Три броска со скоростью сто сорок километров в час. Отобьешь все три — я уезжаю утренним поездом и признаю свои методы чушью. Пропустишь хоть одну — надеваешь стробо-очки, делаешь всю зрительную гимнастику и пьешь только то, что даю тебе я.

Кленов хищно сощурился за стальными прутьями шлема:

— Заряжай, доктор.

Он откатился в створ, стукнул черенком по штангам и опустился в монолитный «баттерфляй».

Я выставила параметры: *140 км/ч, стробоскоп 14 Гц* — расчетная частота микропровала саккад при дефиците фазы быстрого сна. Нажала спуск.

Хлопок пневматики, серия ослепительных микросекундных вспышек. Шайба со свистом ушла вперед. Ловушка Кленова взметнулась... но запаздывание правого глаза на шесть сотых секунды решило все.

Дзынь!

Звон крестовины эхом раскатился под сводами стадиона. Шайба срикошетила под перекладину и тяжело упала в сетку.

Гол.

Кленов оцепенел. Медленно повернул голову назад. Черный диск лежал в воротах. Первый чистый гол с синей линии без рикошета за всю его профессиональную карьеру.

— Случайность! — прохрипел он, выкатываясь вперед и сокращая угол обстрела. — Лазер бликнул. Давай второй!

Я сместила вектор выброса на три градуса влево — точно в слепую зону над блином.

Хлопок. Вспышка.

Шайба со свистом прошла воздух над его плечом и вонзилась точно в девятку. Два — ноль.

Кленов взревел раненым зверем. Развернувшись, он с чудовищной силой обрушил титановую клюшку на стальную перекладину ворот. *ТРРАХ!* Композитный черенок брызнул острыми осколками по льду. Сорвав с правой руки тяжелый блин, он швырнул его под ноги, стянул ловушку и шагнул ко мне с голыми руками:

— Стреляй третью! Руками поймаю! Давай!

При ста сорока километрах в час попадание шайбы в голую кисть означало множественные переломы и конец карьеры прямо здесь.

Я опустила пульт и ступила на лед. Осторожно, балансируя, пошла прямо на пяточок. Встала в двадцати сантиметрах от него, глядя сквозь решетку маски в его пылающие серо-стальные глаза.

— Ты не ослеп, Даня.

Я взяла его горящие, дрожащие от спазма ладони в свои пальцы:

— Ты истощен бессонницей. Твой правый глаз запаздывает ровно на шесть сотых секунды. Ты пытаешься компенсировать это, доворачивая корпус влево, и сам открываешь мертвую зону над ловушкой. Это чистая биомеханика. Ты не разучился играть.

Его тяжелое дыхание сбилось. Я шагнула вплотную к его груди, положила руки на его бедра в жестких защитных шортах:

— Расслабь поясницу. И сдвинь баланс. Вот сюда. На четыре сантиметра правее.

Я надавила ладонями, разворачивая его массивное тело по часовой стрелке. Он подчинился — машинально, пови-

нуюсь спокойной силе моего голоса. Левое плечо опустилось, закрывая мертвую зону.

— Вот твой баланс. Запомни это мышечное ощущение. Держи этот угол.

Отступив на два шага, я достала брелок аварийного спуска. Подала ему снятую ловушку, дождалась, пока он наденет ее, и снизила скорость тренировочного броска.

— Лови!

Хлопок. Третья шайба понеслась в верхний угол.

Кленов остался в новой стойке. Его ловушка вскинулась плавным, идеальным полукругом.

ХЛОП!

Шайба намертво застряла в кожаном кармане.

Звонящая тишина окутала арену.

Даниил медленно опустил руку. Стянул шлем через голову. Мокрые темные пряди упали на лоб, капли пота текли по резким скулам, а серые глаза ошеломленно смотрели на меня сквозь клубы морозного пара. Его ладонь поднялась, застыв в миллиметре от моей щеки:

— Кто ты такая, Левина?

— Твой врач. И я вытащу тебя из этой ямы.

Он перевел дыхание, подкатил мой кейс к борту и уперся руками по обе стороны от моих плеч, глядя сверху вниз:

— Мы работаем по твоей программе. Но с условием: ни слова никому. Ни Бате, ни прессе, ни совету. Если узнают — команду сожрут.

— Прессе и совету диагноз не достанется, Даниил. Но с командным врачом мы обязаны работать вместе. А взамен — ты пьешь только то, что даю я, и спишь по графику.

Он долго смотрел мне в зрачки, затем тяжело кивнул. Его пальцы на мгновение сжали ткань моего пальто на плече:

— Договорились, Ника.

* * *

Два часа ночи.

Служебная парковка арены блестела желтым фонарным светом на мокром асфальте. Колкий мартовский мороз приятно остужал разгоряченное лицо. В кармане грела пальцы тяжелая латунная связка ключей от ночного катка, а на экране смартфона светилось сообщение от Полины: «*Чистый концентрат готов. Жду в лаборатории в 06:30*».

Ледяной панцирь треснул. Первый удар был отбит. А в

шесть сорок пять утра мне предстояло забрать аппаратуру из медблока арены и шагнуть в неизвестность вместе с человеком, который пускал к себе только лед и тишину.

Утро после ночной ледовой дуэли пахло в медицинском блоке кварцевым озоном и едким раствором хлорамина.

Я защелкнула стальные замки анодированного кофра. Сорок килограммов аппаратуры «НейроТрек» стояли наготове. Пальцы ныли после ночной работы за терминалом, под глазами залегли темные круги, но внутри звенела чистая, холодная радость исследователя: мы нашли слепую зону Даниила и доказали ее биомеханическую природу.

Мое намерение было простым — выкатить аппаратуру к служебному выходу для плановой калибровки сенсоров на стенде. В руке я сжимала пластиковый бейдж с гербовой печатью попечительского совета клуба.

Я шагнула по резиновой дорожке коридора к стеклянным дверям вестибюля.

Дорогу мне преградила массивная фигура вице-президента Аркадия Воронова в распахнутом кашемировом пальто. За его спиной застыли двое чоповцев в черной форме. Лицо чиновника багровело от спеси:

— Стоять, гражданочка. Сдайте пропуск и оставьте оборудование службе безопасности. Приказ директората: все несогласованные манипуляции с вратарем прекратить, договор с вами приостановлен до заседания дисциплинарного ко-

митета.

Административный ресурс Воронова наносил прямой удар по моей работе. Я не сделала ни шага назад, вскинув подбородок:

— Мой контракт утвержден председателем попечительского совета и главным тренером Грозовым. Изъятие научного комплекса стоимостью в тринадцать миллионов рублей квалифицируется статьей о грабеже. Попробуйте только коснуться замков, Аркадий Борисович.

За моей спиной неслышно выросла темная громада. Даниил Кленов, уже переодетый в свитер грубой вязки, плотные джинсы и тяжелые зимние ботинки, заслонил меня плечом, как гранитный утес. Его огромная ладонь накрыла ручку кофра, легко подняв сорокакилограммовый вес одной рукой, а вторая — бережно, но властно легла мне на плечи:

— Остынь, Борисыч. Доктор едет со мной на восстановительный сбор. Тронешь ее пропуск — я сегодня же положу заявление о расторжении контракта по вине клуба. Посмотрим, кого ты поставишь в раму в пятницу.

Воронов поперхнулся воздухом, не решаясь скоординировать охрану перекрыть путь главной звезде лиги. Путь был свободен.

На служебной парковке нас встретил колючий мартовский снег. Черный тяжелый внедорожник Кленова урчал на холо-

стых оборотах у полосатого шлагбаума КПП.

Даниил распахнул пассажирскую дверь, легко посадил меня за талию в высокий салон, закинул кофры на заднее сиденье и сел за руль.

Шлагбаум оставался опущенным. Охранник в полушубке выставил ладонь перед капотом, прижимая к уху рацию:

— Даниил Борисович, команда диспетчера — задержать машину!

Даниил опустил тонированное стекло ровно на два пальца. Его голос прозвучал тихо, но в нем лязгнула сталь:

— У тебя три секунды, Михалыч. Если через три секунды стрела не вверх — я сношу ее кенгурятником, а счет за ремонт вешаю на твою смену. И объяснять Громову срыв графика вратаря будешь лично.

Охранник побледнел и вдавил кнопку на пульте. Стрела взмыла вверх. Внедорожник взревел дизелем, разметал колесами снежную кашу и вылетел на Ленинградское шоссе.

За темными стеклами замелькали заснеженные сосны. В динамиках тихо звучал низкий инструментальный гранж — живой перебор струн и глубокий бас. В салоне пахло натуральной кожей, сухим климатическим теплом и терпким одеколоном Даниила с нотами полыни и кедровой смолы.

Я достала планшет, пытаюсь вернуть привычную профессиональную дистанцию:

— Даниил, нам нужно составить почасовой график стимуляции альфа-ритмов и провести декомпрессию...

У светофора он остановил машину. Его широкая правая ладонь опустилась поверх экрана моего планшета, мягко гася дисплей. Затем он протянул мне массивную стальную термобластер:

— Пей. Черный, с кардамоном, без сахара. В машине протоколов нет. Ты не спала больше суток, Левина. Твои саккады сейчас прыгают хуже моих.

Я вздрогнула от тепла его пальцев. Горячий горький кофе с пряной нотой растекся по телу спасительной волной. Даниил щелкнул клавишей на консоли, и под моей поясницей запульсировал глубокий подогрев сиденья. Железный панцирь собранности начал отступать.

— Почему за город, Даниил? У тебя же пентхаус на Ленинградке в пяти минутах от арены.

Он усмехнулся с обнаженной, глухой усталостью:

— В пентхаусе бетонные стены. По ночам они гудят от вентиляции и кольцевой дороги. Закрываю глаза — и этот гул превращается в рев трибун. Кажется, что шайба снова летит в висок. Два года этот вой в ушах не выключается. Там я не сплю совсем. А в лесу у озера — тишина. Лиственница

глушит память.

Неприступная «Стена» открывала свою главную рану.

Заметив, как побелели его костяшки на оплетке руля, я достала портативный пульсоксиметр. Датчик на его пальце выдал сбой из-за микротремора мышц. Отложив прибор, я без слов взяла его тяжелую правую кисть в свои ладони, согрела дыханием и прижала подушечки пальцев к лучевой артерии. Пульс Даниила колотился рвано — 88 ударов. Он шумно втянул воздух, его плечи вздрогнули от прямого контакта, но руку он не убрал. Через полминуты его дыхание выровнялось, а пульс опустился до спокойных шестидесяти восьми.

Внедорожник свернул с проселка к кованым воротам в каменной ограде. Заснеженные лапы вековых елей сомкнулись над крышей, отрезая нас от остального мира.

Навес над гаражом покрылся наледью. Замок алюминиевого кофра с оптикой примерз намертво. Я распылила спиртовой дезинфектор на личинку, а Даниил накрыл металл горячей ладонью, согревая его. Внезапный порыв ветра сорвал капюшон с моей головы, осыпав волосы снежной крупой. Я сжалась от холода. Даниил мгновенно закрыл меня спиной от ледяного шквала, поднял воротник моего пальто и осторожно заправил прядь волос мне за ухо своими загрубевшими пальцами:

— Замерзла. Иди в дом, Ника. Я сам все занесу.

Замок щелкнул. Я шагнула через порог коттеджа из темного клееного бруса. Панорамные окна в два этажа открывали вид на скованную льдом гладь лесного озера. В доме пахло сухим кедром и воском.

Мои замерзшие пальцы не могли расстегнуть молнию пальто. Даниил подошел сзади, бережно освободил застрявший шарф, опустил бегунок и снял с меня пальто. Затем опустился на колени у огромного камина из речного камня и чиркнул охотничьей спичкой. Сухая береста весело затрещала, оранжевое пламя охватило березовые поленья, наполняя гостиную живым янтарным светом и благоуханием смолы.

Мы остались абсолютно одни, отрезанные от города стеной снегопада.

Глава 4

На кухонном острове из цельной плиты черного матового гранита царил идеальный порядок.

Даниил скинул свитер, оставшись в темно-сером лонгсливе, обтягивающем широкие плечи и рельефные мышцы спины. Рукава были закатаны до локтей, открывая жилистые предплечья с рельефной сеткой вен.

Я потянулась к разделочной доске:

— Даниил, давай я нарежу овощи. Я привыкла работать руками.

Его пальцы мягко, но непреклонно накрыли мою ладонь на рукояти ножа:

— В этом доме ты гость и мой врач. Кухня — моя территория. Садись и командуй калориями, если хочешь.

Я опустилась на высокий кожаный стул. Наблюдать за ним было гипнотическим удовольствием. Двухметровый гигант обращался с продуктами с филигранной аккуратностью хирурга. Два толстых стейка рибай зернового откорма он промокнул льняным полотенцем, крупно раздробил морскую соль и свежий розмарин. На раскаленной чугунной сковороде мясо вспыхнуло сочным шкворчанием, наполнив дом го-

ловокружительным ароматом.

— Полина нашла в клубном изотонике следы диазепама,
— тихо сказала я. — Тебя системно травили седативом.

Лицо Даниила на миг закаменело, но он не взорвался. Перевернув мясо щипцами, он ответил:

— Я знаю, Ника. Почувствовал еще в январе: в третьих периодах начинало двоиться в глазах. С тех пор стараюсь пить только свою воду. Но вчера мою бутылку убрали со скамейки, сунули клубную. Сам видел, как сорвали пломбу. Решил, что в запечатанной таре безопасно. Воронов давно готовит место для сына. Но об этом поговорим в Москве. Сейчас забудь о грязи.

Он заварил в глиняном чайнике горный чабрец с сушеной брусникой и поставил передо мной дымящуюся чашку:

— Пей. Бабушкин сибирский сбор.

Поставив передо мной тарелку со стейком, он положил руку на гранит под луч подвесного светильника. На его правом лучезапястном суставе белел жуткий, толстый шрам длиной в десять сантиметров, перечеркивающий сухожилия. Мои пальцы непроизвольно коснулись неровного рубца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.